были вовлечены в мир музыки и в качестве отдыха почти каждый вечер ходили на концерты либо в Малый зал имени Глазунова, либо в Филармонию. И к одиннадцатому классу о некоторых вещах уже не надо было думать: мы на уровне интуиции понимали, какого исполнителя стоит сходить послушать, какой уже давно «закончился»; или, к примеру, по игре начинающего оркестра мы могли предположить, что через пять лет, возможно, они будут звучать хорошо — нужно подождать. Мы знали, кто играет на гобоях, на кларнетах в первом, втором составах Филармонии; кто будет исполнять соло в Пятой симфонии Чайковского... Это колоссальный опыт. Десятилетка — действительно особенная школа, и разрушать среду вовлеченности в искусство ни в коем случае нельзя: ее надо сберечь.

Беседовала Е. Н. Наливаева

Miroslav KULTYSHEV

The best eight years of my life

A conversation with Miroslav Kultyshev, a graduate of the Secondary Special Music School (2004), award-winner of the 13th International Tchaikovsky Competition and a postgraduate student of the St. Petersburg Conservatory. The pianist tells about his favorite teachers and his professional growth, speculating on the phenomenon of the Petersburg school.

Keywords: M. V. Kultyshev, Secondary Special Music School of the St. Petersburg Conservatory, Z. M. Tsuker, I. P. Nazarian, L. I. Kostiukevich, M. G. Malkiel, V. A. Gergiev, the Leningrad — Petersburg piano school, G. L. Sokolov, L. V. Nikolaev, M. V. Yudina, D. D. Shostakovich, N. E. Perelman.

Мирослав КУЛТЫШЕВ

Восемь лучших лет моей жизни

Беседа с Мирославом Винаевичем Култышевым — выпускником школы 2004 года, лауреатом XIII Международного конкурса имени П. И. Чайковского, аспирантом Санкт-Петербургской консерватории. Пианист рассказывает о любимых учителях и о своем профессиональном становлении, размышляет о феномене петербургской школы.

Ключевые слова: М. В. Култышев, Средняя специальная музыкальная школа Санкт-Петербургской консерватории, З. М. Цукер, И. П. Назарян, Л. И. Костюкевич, М. Г. Малкиель, В. А. Гергиев, ленинградская-петербургская фортепианная школа, Г. Л. Соколов, Л. В. Николаев, М. В. Юдина, Д. Д. Шостакович, Н. Е. Перельман.

Владимир Дудин. *Вы обмолвились, что готовы петь десятилетке осанну. Это была риторическая фигура?*

Мирослав Култышев. Воспоминания не свободны от идеализации. Существует аберрация близости и дальности — жертвой этой последней я и рискую стать. Человеку свойственно идеализировать прошлое, тем более далекое. Как у Петра Ильича Чайковского есть пьеса в ор. 72 — «Далекое прошлое». Весь негатив, какие-то переживания и все сомнения и страсти отходят на второй план, забываются. В стенах школы в Матвеевом переулке я провел с 1996 по 2004 год — восемь лет, быть может, лучших в моей жизни.

В. Д. *В первую очередь вспоминаются, вероятно, любимые учителя?*

М. К. Моим любимым и не просто любимым учителем была и остается Зора Менделеевна Цукер — один из главных людей в моей жизни. Поэтому каждое предложение своих воспоминаний я должен был бы начинать с нее. Проучившись у этого педагога в музыкальной школе имени Ляховицкой на Садовой около пяти лет, я перешел вслед за Зорой Менделеевной в десятилетку. У нас был класс-семья — то, чем славилась традиционная русская педагогика, начиная с дореволюционных времен. Во главе такого класса стоит личность педагога. Я был не самым простым учеником, особенно в мои

первые детские годы. Нас с ней роднило необычайно близкое ощущение и понимание музыки, живой, очень острый эмоциональный отклик на нее. Занимались мы в классе № 28 — одном из самых больших концертных классов с подиумом, всегда добавлявшим моим ощущениям особого волнения, адреналина.

В. Д. *Какие еще учителя оставили особый след в Вашей памяти?*

М. К. О многих учителях я вспоминаю с любовью, с некоторыми сохраняю до сих пор теплые отношения. Признаюсь, что точные и естественнонаучные дисциплины были моим слабым звеном, находились за границами моих интересов. Помню легендарную учительницу по физике Инну Павловну Назарян, которая учила всех, начиная с Григория Соколова, — он, к слову, блистал по всем дисциплинам, его феноменальная успеваемость вошла в анналы. Помню и учительницу биологии Любовь Ивановну Костюкевич, которая работала едва ли не с довоенных или с послевоенных времен.

Что же касается учителей музыкально-теоретического цикла, то тут взаимоотношения были почти идиллическими. Больше всего я любил музыкальную литературу, которую вела Марина Геннадьевна Малкиель. Сольфеджио, гармония, анализ тоже входили в число моих любимых предметов. Наиболее близким и интересным мне был курс гармонии и все, что связано с цифровками, цепочками, последовательностями. Я был в числе первых по всем этим дисциплинам, особенно по анализу музыкальных форм.

В. Д. *Изолированности от «большого мира» не чувствовали?*

М. К. Я был абсолютно домашним мальчиком, и меня это совершенно не тяготило. Благословенные школьные годы стали временем моей максимальной открытости к познанию того, что мне действительно интересно, а музыка во всех своих проявлениях, включая теорию, всегда интересовала меня. Равно как и гуманитарные сферы — литература, история, философские штудии. Учителя способствовали моим поискам, а часто я шел и на опережение. Поэтому в Консерваторию в 2004 году пришел вполне образованным человеком, подкованным в области музыкально-исторического процесса.

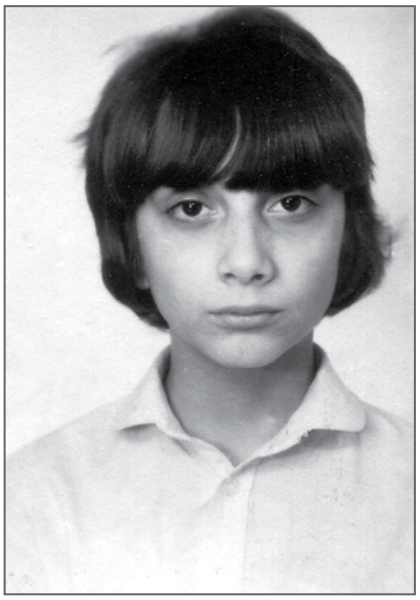
В. Д. *На посещение концертов хватало времени?*

М. К. В школьные годы я невероятно много ходил и в филармонию, и особенно в Мариинский театр, на третьем ярусе которого вырос. Роль Мариинки в моем формировании огромная. Те впечатления, потрясения, катарсис, не побоюсь этого слова, который испытываешь после «Пиковой дамы», «Хованщины» — все было в помощь. И, конечно, я был под обаянием маэстро Валерия Гергиева в 1990-е — период его бури и натиска.

В. Д. *Миф Петербурга сильно влиял на Ваше формирование? Феномен петербургской-ленинградской школы, на Ваш взгляд, существует?*

М. К. Это очень-очень сложный вопрос. О «ленинградской школе» проще говорить в сопоставлении с московской. Ленинград всегда был несколько отдельным. Москва занимала и занимает до сих пор во многом положение монополиста. У Петербурга есть легенда, о ней сложно говорить, ее сложно вербализовать. Неслучайно, наверное, мы находимся в Коломне, далеко не в самом парадном районе. Мир Крюкова канала, места, где жили Блок, Стравинский, Мейерхольд — вот что это? Всему этому свойственна какая-то большая неприкаянность: мы — не Москва. Нам дорога отдельность. Надо ли это специально культивировать? Наверное, нет: это происходит само собой.

В. Д. *Вы ощущаете себя наследником петербургской школы? Может быть, Вам легче было бы говорить об этом феномене на примере Григория Соколова?*



М. К. Опять же, Григорий Соколов, всегда как бы обособленный, отдельный, не участвующий в раутах, исключивший Москву с карты своих выступлений, — в этом можно усмотреть нечто перманентно ленинградское-петербургское. Есть ли петербургский текст в исполнительстве, как он есть в литературе? Очень интересный вопрос, вопрос для диссертации, но ответ кажется мне очевидным. Если говорить об исполнительской манере Соколова, то это особая рафинированность, интровертность. Ленинградская фортепианная школа всегда была особой, если вспомнить фигуру Леонида Николаева, одного из ее основоположников, который учил и Софроницкого, и Юдину, и Шостаковича, и Перельмана. Шостакович-пианист — тоже очень интересная тема. Общеизвестно, что он окончил Консерваторию сначала как пианист, участвовал в конкурсе Шопена в Варшаве, получил диплом. И его манере была присуща явная интровертность, вплоть до откровенной сухости, графичности. Скажу так: мне бы хотелось быть причастным к этой традиции, хотелось бы думать, что я достоин этой великой петербургской школы.

Беседовал В. В. Дудин